У нас всегда будет Париж (сборник)

Автор:
Рэй Брэдбери

У нас всегда будет Париж (сборник)

Рэй Дуглас Брэдбери

Интеллектуальный бестселлер

Впервые на русском – новейший сборник великого мастера, которому в августе 2010 года исполнится 90 лет. В этих двадцати двух никогда прежде не публиковавшихся историях Брэдбери снова демонстрирует чудеса, неподвластные другим кудесникам: голоса эфира облекаются плотью и кровью, сердце погибшего молодым знаменитого актера продолжает биться в чужой груди, пес при монастырской больнице принимает исповедь, а над полем для ночного гольфа сгущается непроглядная тьма…

Рэй Брэдбери

У нас всегда будет Париж (сборник)

С любовью – другу всей моей жизни Дональду Харкинсу, похороненному в Париже

Ray Bradbury

WE’LL ALWAYS HAVE PARIS

Copyright © 2009 by Ray Bradbury

© Петрова Е., перевод на русский язык, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Наблюдаем и пишем

Рассказы, вошедшие в этот сборник, созданы двумя авторами. Один из них наблюдает, а другой записывает.

Во мне с давних пор уживаются эти двое; они руководствуются одним девизом, который целых семьдесят лет висит у меня над пишущей машинкой: «Не рассуждай – делай».

Ни один из этих рассказов специально не планировался – каждый возник в результате взрыва или импульса. Взрыв идей временами достигает огромной, сокрушительной силы, а импульс может оказаться едва уловимым – приходится его лелеять, чтобы не загубить.

Мне самому наиболее близок «Массинелло Пьетро»: эта история произошла много лет назад, когда я в возрасте двадцати с небольшим лет снимал квартирку в центре Лос-Анджелеса. С Массинелло Пьетро мы дружили; я пытался защитить его от полиции и, как мог, поддерживал во время суда. Сюжет рассказа навеян этим знакомством; во многих отношениях он, по сути, основан на реальных событиях – мое дело было только записать.

Другие сюжеты, каждый в свой черед, приходили ко мне на протяжении всей моей жизни – с ранней юности до зрелых лет и далее. За каждым из них стоит потрясение. Всякий раз я брался за перо потому, что не мог иначе. Для меня писать рассказы – все равно что дышать. Я смотрю вокруг, нахожу идею, проникаюсь к ней любовью и стараюсь долго не рассуждать. Потом записываю: просто даю ей возможность поскорее выплеснуться на бумагу.

Итак, перед вами – результат совместного творчества двух писателей, живущих у меня в голове. Некоторые сюжеты, полагаю, вас удивят. И это хорошо. Я и сам удивился, когда они у меня созрели и стали проситься на свет. Надеюсь, книжка придется вам по душе. Об этих историях не надо долго рассуждать. Просто постарайтесь, как я, проникнуться к ним любовью.

Прошу!

Рэй Брэдбери

Август 2008 года

Массинелло Пьетро

Он покормил канареек и гусей, собак и кошек. А вслед за тем покрутил ручку ржавого патефона и под надтреснутые звуки «Сказок Венского леса» затянул:

Шумит зеленый лес,

Приди в страну чудес.

Пританцовывая, он услышал, как перед его лавчонкой затормозила машина. У него на глазах человек в серой шляпе устремил свой взор поверх витрины и заскользил вниз; очевидно, он читал вывеску, на которой огромными кривыми синими буквами значилось: «ЯСЛИ. Все бесплатно! Любовь и милосердие для каждого!»

Посетитель остановился на пороге.

– Мистер Массинелло Пьетро?

Сияя улыбкой, Пьетро энергично закивал:

– Входите. Приехали меня арестовать? Хотите отправить за решетку?

Незнакомец сверился со своим блокнотом.

– Более известный как Альфред Флонн? – Он уставился на серебряные бубенцы, украшавшие жилетку Пьетро.

– Он самый! – Пьетро сверкнул глазами.

Посетителю стало не по себе. Он огляделся: в помещении громоздились клетки для птиц и упаковочные ящики. Со стороны черного хода в лавку ринулись гуси, которые смерили незваного гостя сердитыми взглядами и резво поковыляли обратно. На высоких шестах лениво моргали четыре длиннохвостых попугая. Нежно ворковала пара индийских неразлучников. У ног Пьетро крутились три таксы, требуя, чтобы он наклонился и хотя бы одной рукой потрепал каждую по загривку. На одном плече у него сидела майна, свесившая свой желтый клюв-банан, а на другом пригрелась зебровая амадина.

– Присаживайтесь! – нараспев пригласил Пьетро. – Я только что поставил музыку: лучшее начало дня!

Он быстро покрутил ручку патефона и переставил иглу.

– Не спорю, не спорю. – Гость даже посмеялся, выказывая терпимость. – Моя фамилия Тиффани, я представитель окружной прокуратуры. На вас поступают жалобы. – Он обвел рукой загроможденную лавку. – В связи с нарушением санитарных норм. Все эти утки, еноты, белые мыши. Карантинная зона отсутствует, район неподходящий. Вам придется очистить помещение.

– На меня уже шестеро наезжали. – Пьетро стал гордо загибать пальцы. – Двое судей, трое полицейских и окружной прокурор собственной персоной!

– Ровно месяц назад вам вручили официальное предписание, в котором было сказано, что в течение тридцати дней вы обязаны устранить источник нарушения общественного порядка; в противном случае вам грозит тюремное заключение, – объявил Тиффани, перекрикивая музыку. – Мы терпеливо ждали.

– Это я, – произнес Пьетро, – терпеливо ждал. Я ждал, что этот мир поумнеет. Ждал, что прекратятся войны. Ждал, что политики станут честными. Ждал – тра-

ля-ля, – что торговцы недвижимостью начнут уважать закон. Но ждал я в танце! – И он это продемонстрировал.

– Да вы оглянитесь вокруг! – запротестовал Тиффани.

– Чудо, правда? Видите мой алтарь во имя Девы Марии? – Пьетро указал пальцем. – А вот здесь, на стене, в рамочке – письмо от секретаря самого архиепископа: в нем сказано, как много добра я сделал для бедных! Ведь я в свое время был состоятельным человеком. Владел недвижимостью, держал гостиницу. А лет этак двадцать тому назад один человек отнял у меня все, да еще жену увел. И знаете, как я поступил? Вложил те крохи, что еще остались, в собак, гусей, мышей, попугаев – в тех, кто не предает, кто заводит дружбу раз и навсегда. И еще патефон купил – он никогда не унывает, знай себе поет!

– Это к делу не относится, – содрогнулся Тиффани. – Соседи жалуются, что в четыре часа утра… мм… вы со своим патефоном…

– Музыка лучше воды и мыла!

Прикрыв глаза, Тиффани отбарабанил речь, которую знал наизусть:

– Если до захода солнца не уберешь отсюда этих кроликов, обезьяну, попугаев и прочих тварей – жди «черный воронок».

Мистер Пьетро кивал в ответ на каждое слово и улыбался, но был начеку.

– А что я такого сделал? Совершил убийство? Ребенка пришиб? Часы украл? Подделал закладную? Город разбомбил? Открыл стрельбу? Изолгался? Обсчитал покупателя? Забыл Господа? Беру взятки? Толкаю наркотики? Торгую невинными девушками?

– Разумеется, нет.

– Вы скажите толком, что я такого сделал? Пальцем укажите, конкретно. Мои собаки – чудовищное зло, не так ли? Эти птички – их пение внушает ужас, верно? Патефон – тоже, знаете ли, страшная штука. Валяйте, заприте меня в камеру и выбросьте ключ. Все равно вы нас не разлучите.

Музыка достигла мощного крещендо. Пьетро напевал:

Тиффа-ни! Не казни!

Гнев на милость смени, мой дружок!

Вокруг него с лаем прыгали собаки.

Мистер Тиффани нырнул в автомобиль и укатил.

У Пьетро защемило в груди. Все еще усмехаясь, он прервал свой танец. Тут примчались гуси, которые начали дружески тюкать клювами по его башмакам, а он стоял сгорбившись и держался руками за грудь.

Когда настало время подкрепиться, Пьетро откупорил банку домашних консервов – гуляш по-венгерски. В какой-то момент он помедлил и ощупал грудную клетку: привычная боль ушла. На ходу доедая свой обед, он отправился на задний двор и взглянул поверх высокого забора.

Вот и она, тут как тут! Миссис Гутьеррес, необъятная и громогласная, как музыкальный автомат, беседовала с соседками.

– Красавица! – окликнул Массинелло Пьетро. – Сегодня вечером я отправлюсь в тюрягу! Ты развязала войну и одержала победу. Вручаю тебе свой меч, сердце и душу!

Миссис Гутьеррес величественно прошествовала по грунтовой площадке.

– Что там такое? – переспросила она, как будто его не видела и не слышала.

– Ты настучала в полицию, полиция меня прижала, а я только посмеялся! – Он игриво помахал рукой и сделал ей «козу» двумя пальцами. – Надеюсь, теперь ты счастлива!

– Это ктой-то настучал в полицию? – негодующе осведомилась она.

– Ах, миссис Гутьеррес, я посвящу вам романс!

– Может, кто другой и настучал, а я-то при чем? – не унималась она.

– А когда я отправлюсь за решетку, тебя будет ждать подарок. – Он раскланялся.

– Сказано тебе, это не я! – закричала она. – И пасть свою закрой!

– Должен сделать вам комплимент, – проникновенно сказал он. – Вы – из числа сознательных граждан. Из тех, кто не выносит грязи, шума и беспорядка.

– Да ты… ты… – гаркнула она. – Ах ты! – У нее больше не было слов.

– Танцую для вас! – пропел он и, кружась в вальсе, стал двигаться к дому.

Ближе к вечеру он повязал голову красным шелковым платком, вставил в уши огромные золотые серьги, подпоясался красным кушаком и надел синий жилет с золотым кантом. Его костюм довершали туфли с пряжками и облегающие бриджи.

– За мной! Прогуляемся напоследок, а? – обратился он к собакам, и те дружно высыпали из лавки.

Держа под мышкой свой патефон, Пьетро морщился, потому что в последнее время страдал животом, прихварывал и с трудом поднимал тяжести. По бокам от него трусили собаки, а на плечах сидели длиннохвостые попугаи, которые оглашали квартал дикими криками. Солнце клонилось к закату, в прохладном воздухе не было ни ветерка. Пьетро озирался, будто попал сюда впервые. Он приветствовал каждого встречного, махал рукой, отдавал честь.

В закусочной он водрузил патефон на высокий табурет и завел скрипучую пластинку. Все посетители уставились на него, а он нырнул в эту музыку – и выплыл, сияя от смеха. Щелкнул пальцами, притопнул каблуками, мелодично присвистнул и зажмурился, а симфонический оркестр тем временем воспарял вместе со Штраусом. Собакам была дана команда сесть рядком, а он закружился в танце. Попугаям была дана команда слететь на пол. Ошарашенная, но

увлеченная публика бросала ему блестящие монетки, которые он ловил на лету.

– Пошел вон! – разозлился хозяин закусочной. – Развел тут оперу!

– Благодарю вас, добрые друзья!

Собаки, музыка, попугаи, а с ними и Пьетро растворились в сумерках, оставив за собой лишь тихий звон бубенчиков.

На перекрестке улиц он подарил свою песню небу, вспыхнувшим звездам и октябрьской луне. В ночи поднялся ветер. Из темноты за ним наблюдали улыбчивые лица. И Пьетро снова подмигнул, улыбнулся, присвистнул и закружился в танце.

Делитесь добротою!

Любите все живое!

И видел он множество внимательных лиц. И еще молчаливые дома с их молчаливыми обитателями. И под собственное пение удивлялся, почему во всем мире никто, кроме него, больше не поет. Почему никто не раскрывает рта, не пляшет, не подмигивает, не выплывает гордой поступью, не плетет кружево шагов? Почему мир замолчал, почему в молчаливых домах обитают молчальники? Почему люди – наблюдатели, а не танцоры? Почему они все – зрители и только он один – артист? Что они такого забыли, о чем он всегда-всегда помнил? Их дома, тесные, запертые и беззвучные, всегда молчат. А его дом, его «Ясли», его лавка – совсем другое дело! Там щебечут, хлопают крыльями и распевают птицы, топают мягкие лапы, шуршат пернатые и пушистые создания, а в темноте даже можно услышать, как моргают звери. Его жилище, где горят молитвенные свечи, радуют глаз изображения возносящихся – летящих – святых и отблески медальонов. Где крутится патефон – и в полночь, и в два, и в три часа ночи, и в четыре утра, а сам он поет, широко открывая рот, распахивая сердце, зажмуривая глаза, чтобы отгородиться от мира: звук, только звук. А тут его почему-то окружают дома, которые запираются в девять, засыпают в десять и в молчании дрыхнут до самого утра. А люди-то, люди: впору вешать на дверь траурные венки.

Когда он проносился мимо, люди, бывало, кое-что вспоминали. Кто выдавливал нотку-другую, кто застенчиво притопывал, но в большинстве своем они под звуки музыки совершали одно-единственное движение: совали руку в карман, чтобы выудить монету.

«Было время, – думал Пьетро, – когда и у меня водились монеты, и доллары водились, и земли хватало, и домов. Но что было, то сплыло, а сам я от слез превратился в истукана. Долго не мог пошевелиться. Меня убивали без пощады – отнимали, отнимали. И я решил: больше не дам себя убивать. Но как поступить? Есть ли у меня что-нибудь такое, что можно отдать безболезненно? Отдать – и не потерять?»

И ответ пришел сам собой: конечно, талант.

«Мой талант! – подумал Пьетро. – Чем больше отдаешь, тем он огромней и богаче. У кого есть талант, тот в ответе за этот мир».

Он огляделся. Мир населяли истуканы, подобные тому, каким он сам был в прежние времена. Многие даже забыли, как совершаются движения – назад, вперед, вверх, вниз: жизнь их била, кусала, жалила, глушила – и ввергла в каменное молчание. Что ж, коли они сами не могут двигаться, кто-то должен делать это за них. Ты, Пьетро, говорил он себе, будешь двигаться. Мало того, совершая движения, ты не должен оглядываться в прошлое, где ты был не весть чем, где с тобой приключилось не весть что, где ты превратился в истукана. Главное – не останавливайся, чтобы набегаться за тех здоровяков, которые разучились бегать. Бегай среди этих людей-памятников, подле которых лежат цветы и хлеб. Глядишь, кто-то из них нагнется, тронет рукой цветы, поднесет хлеб к пересохшим губам. А если ты еще станешь горланить и петь, они, возможно, когда-нибудь снова заговорят, а то и подхватят твою песню. «Эй!» – крикнешь ты, пропоешь «Ля!» и пустишься в пляс, а от этого они – чем черт не шутит – разомнут ступни, хрустнут суставами, приосанятся, топнут, вздрогнут, а потом, пускай не сразу, в пустой комнате кто-нибудь, подражая тебе, пустится в пляс перед зеркалом своей души. Не забывай: когда-то и ты был высечен изо льда и камня – хоть выставляй напоказ для украшения аквариума с рыбами. Но потом ты закричал и запел что есть духу, и одно веко у тебя дрогнуло! Потом второе! А вслед за тем ты набрал воздуха и выдохнул оглушительный крик Жизни! Пошевелил пальцем, пошаркал ногой – и одним скачком вернулся в самую гущу бытия!

С тех пор остановился ли ты хоть на миг?

Ни разу.

Теперь он вбежал в многоквартирный дом и оставил под чужими дверями белые молочные бутылки. У подъезда, на шумной улице, где просил милостыню слепой нищий, он опустил в протянутую кружку сложенный доллар, причем так осторожно, что даже чуткие пальцы слепого старика не ощутили этого подаяния. Пьетро бежал себе дальше и думал: «У него в кружке – вино, а ему и невдомек… ха!.. пойдет сегодня выпьет!» Под звон бубенцов, украшавших его рубаху, он вывел на пробежку собак, посадив на плечи хлопающих крыльями птиц, и забежал положить букетик цветов под дверь старой вдовы Вильянасуль, а когда выскочил на улицу, чуть помедлил у теплой витрины булочной.

Заметив его, хозяйка булочной сделала знак рукой и вынесла ему пончик.

– Любезный ты мой, – сказала она, – мне бы твою энергию.

– Мадам, – изрек он в ответ, впиваясь зубами в пончик и благодарно кланяясь, – только примат разума над материей позволяет мне петь! – Он поцеловал ей ручку. – Всего наилучшего.

Пьетро приподнял свою тирольскую шляпу, выкинул замысловатое коленце – и рухнул как подкошенный.

– Вам бы на пару дней в больницу.

– Нет. Я в сознании, а держать меня в больнице против моей воли никто не имеет права, – заявил Пьетро. – Мне нужно домой. Меня ждут люди.

– Дело ваше, – сказал фельдшер «скорой помощи».

Пьетро достал из кармана кипу газетных вырезок.

– Взгляните. Это я в суде, вместе с моими питомцами. А собаки-то мои где? – вскричал он, внезапно спохватившись и затравленно озираясь по сторонам.

– Здесь.

Из-под койки слышался шорох и собачий вой. Когда фельдшер проводил рукой по груди Пьетро, на него каждый раз пикировали попугаи, больно тюкая клювами.

Врач просмотрел вырезки.

– Тихо, тихо, все в порядке.

– Я пел для судьи, и никто не заткнул мне рот! – похвалился Пьетро, не открывая глаз.

Он получал удовольствие от поездки на санитарном транспорте, от шума двигателя и хорошей скорости. Голова его слегка подергивалась. На лице выступила испарина, отчего размазался грим, а по вискам ручьями потекла сажа, и оказалось, что брови у него совсем седые. Под румянами обнажилась бледность щек. Фельдшер промокнул ему лицо ватным тампоном.

– Приехали! – сообщил водитель.

– Который час? – Когда дверь кареты «скорой помощи» распахнулась, Пьетро взял фельдшера за руку и посмотрел на его золотые часы. – Полшестого! Времени в обрез, они вот-вот заявятся!

– Вы только не волнуйтесь, хорошо? – На скользком тротуаре перед лавкой врач поддержал его за локоть.

– Хорошо, хорошо, – сказал Пьетро и подмигнул, а потом ущипнул врача за руку. – Благодарю вас.

Как только «скорая» уехала, он отпер «Ясли» и погрузился в теплый звериный запах. Оставшиеся дома собаки, заросшие густой шерстью, бросились его лизать. Тут же появились гуси: они толкались, трубили, как автомобильные клаксоны, и яростно щипали его за икры, пока он не заплясал от боли.

Он выглянул на опустевшую улицу. Да, уже с минуты на минуту. Он снял с жердочки пару неразлучников. Вышел на задний двор и прокричал поверх забора:

– Миссис Гутьеррес!

Когда она замаячила в лунном свете, он опустил попугайчиков в ее пухлые руки.

– Это вам, миссис Гутьеррес!

– Чтой-то? – Щурясь, она разглядывала пушистые комочки, вертя их так и этак. – Чтой-то?

– Ухаживайте за ними как следует! – наказал он. – Не забывайте кормить, и они будут радовать вас пением!

– Да на кой они мне? – недоумевала она, а сама глядела то на небо, то на него, то на птичек. – Ой, да что вы. – Но она уже ничего не могла поделать.

Он погладил ее по руке.

– Уверен, вы будете к ним добры.

И он исчез в «Яслях» за дверью черного хода.

В течение следующего часа он вручил одного гуся мистеру Гомесу, другого – Фелипе Диасу, третьего – миссис Флорианне. Попугай достался мистеру Брауну, бакалейщику. Собак пришлось, к сожалению, разлучить и отдать пробегавшим мимо ребятишкам.

В половине восьмого вокруг квартала трижды объехал полицейский фургон и только после этого притормозил у дверей. Через некоторое время на пороге лавки показался мистер Тиффани.

– Ну что ж, – произнес он, заглядывая внутрь. – Вижу, вы постепенно от них избавляетесь. Доброй половины уже нет, верно? Коль скоро вы не оказываете сопротивления, даю вам еще час. Так держать.

– Нет, – заговорил мистер Пьетро и, не сходя с места, обвел взглядом пустые клетки. – Больше я никого не отдам.

– Послушайте, – стал увещевать его мистер Тиффани. – Стоит ли отправляться за решетку из-за горстки оставшихся зверей? Давайте я прикажу своим ребятам их вынести, а вы…

– Везите в кутузку! – объявил Пьетро. – Я готов!

Нагнувшись, он взял под мышку старый патефон. Посмотрелся напоследок в треснувшее зеркало. Седых бровей как не бывало – сажа была наложена заново. Зеркало взмыло в воздух, раскаленное, бесформенное. Вслед за тем и сам он как-то поплыл, едва касаясь ногами пола. Его знобило, язык распух. Он услышал свой голос:

– Идемте.

Тиффани широко развел руками, словно не желая выпускать Пьетро. Тот сгорбился и качнулся. Последняя такса, коричневая, гладкошерстная, свернулась колечком у него на локте, словно маленькая автомобильная шина, и принялась лизать его розовым язычком.

– С собакой нельзя. – Тиффани не верил своим глазам.

– Только до участка, прокатимся вместе – и все, – попросил Пьетро.

Он явно устал: усталостью наливались пальцы, руки и ноги, все тело и голова.

– Ладно, – согласился Тиффани. – Хлопот с вами, честное слово…

Пьетро вышел из лавки, одной рукой прижимая к себе патефон, другой – собаку. Тиффани забрал у него ключ.

– Животных вывезем позже, – сказал он.

– Спасибо и на том, – сказал Пьетро, – что не стали этого делать при мне.

– Господи, да уймитесь вы, – сказал Тиффани.

Соседи высыпали на улицу и смотрели, как Пьетро на прощание потрясает таксой, словно триумфатор, одержавший нешуточную победу и воздевший руку в знак ликования.

– Прощайте, прощайте! Не знаю, куда меня везут, но я отправлюсь в путь! Здоровье мое пошатнулось. Но я вернусь! Смотрите: я иду! – Хохоча, он помахал собравшимся.

Его подсадили в полицейский фургон. Собаку он по-прежнему прижимал к себе, а патефон поставил на колени. Покрутил ручку и завел музыку. Патефон запел «Сказки Венского леса», и под эту мелодию фургон отъехал от тротуара.

В ту ночь по обеим сторонам от «Яслей» стояла тишина: и в час ночи, и в два, и в три, а к четырем утра тишина стала настолько оглушительной, что все соседи продрали глаза, сели в постелях и стали слушать.

Посещение

Рэй Брэдбери

20 октября 1984 г.

9.45–10.07

(По прочтении вчерашней статьи о смерти молодого актера, последовавшей вчера вечером, и пересадке его сердца другому человеку.)

Она позвонила, чтобы договориться о посещении.

Сначала молодой человек воспротивился и ответил:

– Нет, спасибо, нет, очень жаль, я все понимаю, но – нет.

Однако вслед за тем на другом конце провода он услышал ее молчание – полное отсутствие каких бы то ни было звуков, только скорбь, которая не находит выхода, и после долгой паузы ответил:

– Ну ладно, приходите, только, пожалуйста, ненадолго. Ситуация довольно странная, не знаю, что и сказать.

Она этого тоже не знала. По дороге к нему домой она раздумывала, с чего начнет, как он к этому отнесется, что ответит. Страшнее всего было не совладать со своими чувствами – тогда он просто выставит ее из квартиры и хлопнет дверью.

Ведь этого парня она совсем не знала. Абсолютно чужой человек. Они никогда в жизни не встречались; до вчерашнего дня она даже имени его не слышала – хорошо, что знакомые в местной больнице подсказали, а то она уже отчаялась что-нибудь найти. А теперь, пока не поздно, нужно было прийти к незнакомому человеку и обратиться к нему с самой необычной просьбой в ее жизни; да что говорить, в жизни любой матери за всю историю цивилизации это была бы самая сокровенная просьба.

– Подождите, пожалуйста.

Она дала таксисту двадцать долларов, чтобы он никуда не отъезжал – на тот случай, если она выйдет раньше, чем планировала, – а потом надолго задержалась у подъезда, сделала глубокий вдох, открыла дверь, вошла и поднялась в лифте на третий этаж.

Перед его квартирой она закрыла глаза, еще раз глубоко вдохнула и постучалась. Ответа не было. В смятении она забарабанила в дверь. На этот раз ей открыли, хотя и с задержкой.

Молодому человеку на вид было лет двадцать, может, больше; он окинул ее неуверенным взглядом и уточнил:

– Миссис Хэдли?

– Вы на него совсем не похожи, – услышала она свой голос. – То есть…

Она почувствовала, что заливается краской, и чуть не развернулась, чтобы убежать.

– Неужели вы надеялись на сходство?

Открыв дверь пошире, он отступил в сторону. На низком столике в центре единственной комнаты был готов кофе.

– Нет-нет, что вы. Сама не знаю, что говорю.

– Проходите, располагайтесь. Меня зовут Уильям Робинсон. Или просто Билл. Вам с молоком или черный?

– Черный.

Она следила за его движениями.

– Как вы на меня вышли? – спросил он, передавая ей чашку.

Она приняла ее дрожащими пальцами.

– Через знакомых, которые работают в больнице. Они навели справки.

– В обход всех правил.

– Да, понимаю. Это по моему настоянию. Понимаете, я на год, если не больше, уезжаю во Францию. Для меня это был последний шанс встретиться… я хочу сказать…

Замолчав, она уставилась в чашку.

– Стало быть, они прикинули, что к чему, и пошли на это, хотя истории болезни хранятся в сейфе? – тихо спросил он.

– Да, – ответила она. – Все совпало. В ту ночь, когда умер мой сын, вас доставили в больницу для пересадки сердца. Это были вы. В ту ночь и еще целую неделю таких операций больше не делали. Я узнала, что вас выписали из больницы, и мой сын… точнее, его сердце… – у нее дрогнул голос, – осталось с вами.

Она опустила кофейную чашку на стол.

– Сама не знаю, зачем пришла, – сказала она.

– Все вы знаете, – возразил он.

– Нет, честное слово, не знаю. Все так странно, печально и в то же время ужасно. Не знаю. Божий дар. Я непонятно говорю?

– Мне все понятно. Этот дар спас мою жизнь.

Теперь настал его черед замолчать; он налил себе еще кофе, размешал сахар и пригубил.

– Когда мы с вами распрощаемся, – начал молодой человек, – куда вы отправитесь?

– Куда отправлюсь? – неуверенно переспросила женщина.

– В смысле… – Парень содрогнулся от напряжения: слова застревали в горле. – В смысле… вам еще с кем-нибудь нужно повидаться? Еще кто-нибудь…

– А, понимаю. – Женщина закивала, переменила положение, чтобы совладать с собой, изучила сцепленные на коленях руки и в конце концов пожала плечами. – В общем, да, есть еще кое-кто. Мой сын… он спас зрение какому-то человеку из Орегона. Потом, еще в Тусоне живет некто…

– Можете не продолжать, – перебил парень. – Напрасно я спросил.

– Нет-нет. Все это так странно, нелепо. И непривычно. Каких-то несколько лет назад такой ситуации просто не могло быть. Теперь другое время. Не знаю, смеяться или плакать. Просыпаюсь в недоумении. Часто спрашиваю себя: а он тоже недоумевает? Но это уж совсем глупо. Его больше нет.

– Где-то же он есть, – сказал парень. – Например, здесь. И я живу лишь потому, что он сейчас здесь.

У женщины заблестели глаза, но слез не было.

– Да. Спасибо вам.

– Это его надо благодарить, и еще вас – за то, что позволили мне жить.

Вдруг женщина резко вскочила с места, словно ее подбросила неодолимая сила. Она стала озираться в поисках выхода – и не видела двери.

– Куда вы?

– Я… – выдавила она.

– Вы же только что пришли!

– И очень глупо сделала! – вскричала она. – Мне так неловко. Взвалила такой груз и на ваши плечи, и на свои. Нужно скорей уходить, пока я не свихнулась от этого абсурда…

– Не уходите, – сказал молодой человек.

Повинуясь его тону, она уже собиралась сесть.

– Вы еще кофе не допили.

Стоя у кресла, она трясущимися руками взяла со столика чашку с блюдцем. Тихое дребезжание фарфора было единственным звуком, под который она, охваченная какой-то неутолимой жаждой, залпом проглотила свой кофе. Вернув

пустую чашку на стол, она выговорила:

– Мне и самом деле надо идти. Чувствую себя неважно, слабость. Чего доброго, упаду где-нибудь. Мне так неловко, что я сюда заявилась. Храни тебя Господь, мальчик мой, долгих тебе лет жизни.

Она направилась к выходу, но он преградил ей путь.

– Сделайте то, зачем пришли, – сказал он.

– Что-что?

– Вы сами знаете. Прекрасно знаете. Я не возражаю. Давайте.

– Мне…

– Давайте, – мягко повторил он и закрыл глаза, вытянув руки по швам.

Вглядевшись в чужое лицо, она перевела глаза туда, где под рубашкой угадывался нежнейший трепет.

– Ну, – негромко поторопил он.

Она почти сдвинулась с места.

– Ну же, – выговорил он в последний раз.

Она сделала шаг вперед. Повернула голову набок и стала медленно-медленно наклоняться, пока не коснулась правым ухом его груди.

Ей хотелось закричать, но она сдержалась. Хотелось сказать что-нибудь восторженное, но она сдержалась. С закрытыми глазами она просто слушала. У нее шевелились губы – видимо, с них раз за разом слетало какое-то слово, а может, имя, почти в такт биению, которое она слышала под рубашкой, в груди, под ребрами этого терпеливого парня.

Там стучало сердце.

Она слушала.

Сердце стучало ровно, без перебоев.

Она слушала очень долго. Больше она не сдерживала дыхание, и щеки у нее порозовели.

Она слушала.

Сердце билось.

Наконец, подняв голову, она напоследок вгляделась в лицо этого незнакомого парня и быстро коснулась губами его щеки, развернулась и скользнула к дверям, даже не поблагодарив – но благодарности и не требовалось. С порога она не оглянулась – просто открыла замок и вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Парень медлил. Его правая рука скользнула по рубашке и нащупала то, что было спрятано в груди. Веки так и не разомкнулись, на лице не появилось никакого выражения.

Он повернулся, не глядя сел в кресло и на ощупь взял чашку, чтобы допить кофе.

Ровный пульс, великий трепет жизни побежал по его руке, добрался до чашки, и теперь она пульсировала в том же нескончаемом, непрерывном ритме, пока он подносил ее к губам и делал глотки, будто смакуя снадобье, доставшееся ему в дар, которое не иссякнет еще так долго, что ни угадать, ни предсказать невозможно. Он осушил чашку.

И лишь открыв глаза, понял, что в комнате никого нет.

Гольф по ночам

Было уже поздновато, но все же он не терял надежды в последних лучах солнца по-быстрому пройти девять лунок.

Однако сумерки сгустились очень быстро – он даже не успел доехать до гольф-клуба. Это высокий туман, приплывший со стороны океана, заслонял дневной свет.

Впору было развернуться и поехать в обратную сторону, но что-то привлекло его внимание.

Вглядевшись в далекие луга, он заметил, что в этой полутьме человек пять-шесть все еще играют в гольф.

Играли не двое на двое, а в одиночку – каждый, передвигаясь под деревьями без партнера, тащил свои клюшки через лужайку.

Странно, подумал он. И вместо того чтобы повернуть назад, въехал на стоянку позади клуба и вышел из машины.

Почему-то он застыл на месте и принялся издалека наблюдать, как гольфисты замахиваются клюшками, посылая мячи в сумеречную дымку.

Игроки-одиночки, бродившие по фервею, вызвали у него неподдельное любопытство; было в этой картине что-то смутно тревожное.

Почти не раздумывая, он подхватил спортивную сумку и понес клюшки к первой лунке, где застыли трое немолодых людей, которые будто бы дожидались его появления.

Старичье, подумал он. Ну не то чтобы совсем дряхлые, но ему-то было всего тридцать, а тех уже припорошила седина.

Когда он приблизился, они разглядели его загорелое лицо и встретили проницательный, ясный взгляд.

Один из пожилых гольфистов поздоровался.

– А что здесь происходит? – спросил молодой человек – и тут же отметил нелепость этого вопроса.

Его взгляд скользнул вдаль по площадкам, где двигались едва различимые одинокие фигуры.

– Я просто не понял, – оправдываясь, парень кивнул в сторону фервея, – вроде бы они только начали. Но минут через десять мяча будет не разглядеть.

– Кто-кто, а они разглядят, – вступил в разговор другой. – Мы и сами только что приехали. Чем позже – тем лучше: никто не мешает, можно поразмыслить о том о сем. Начнем вместе, потом разделимся.

– Это же исхитриться надо! – сказал молодой.

– Да уж, – подтвердил третий. – Но у нас свои резоны. Хочешь – присоединяйся, только через сотню ярдов, скорее всего, останешься один.

Подумав, молодой человек кивнул.

– Согласен, – сказал он.

Один за другим они выходили на площадку «ти», замахивались клюшкой – и провожали глазами белые мячи, улетавшие в полумрак.

В последних проблесках света они двинулись вперед, не говоря ни слова.

Старик, шагавший в ногу с молодым игроком, то и дело исподволь поглядывал на него. Двое других смотрели прямо перед собой и тоже молчали. Когда они остановились, молодой ахнул.

– Что такое? – спросил старик.

– Подумать только, нашел! – воскликнул парень. – Вокруг темно, хоть глаз выколи, а я как чувствовал, что он здесь!

– Бывает, – сказал старик. – Называй как хочешь: судьба, удача, дзен. Я-то попросту выражаюсь: нужда заставила. Ну, бей.

Молодой человек посмотрел на свой мяч, белевший в траве, и неслышно попятился.

– Нет, первым не хочу, – сказал он.

Двое других стариков тоже нашли в траве свои мячи и по очереди выполнили удары. Один замахнулся, ударил по мячу и в одиночку зашагал дальше. Второй замахнулся, ударил по мячу – и точно так же растворился в сумерках.

Парень смотрел им вслед.

– Ничего не понимаю, – сказал он. – Ни разу в жизни не играл такой форсом.

– По большому счету, никакой это не форсом, – отозвался старик. – Так, вариация. Они сейчас пойдут вперед, а на девятнадцатом «грине» встретимся.

Парень сделал удар – и мяч взмыл в серо-лиловое небо. Где-то ярдах в ста мяч упал в траву – а может, послышалось.

– Вперед, – скомандовал старик.

– Нет, – сказал молодой гольфист, – если не возражаете, я пойду с вами.

Старик кивнул, изготовился и запустил свой мяч в темноту. Дальше они двинулись в полном молчании.

Наконец парень, который вглядывался в подступившую ночь, признался:

– Впервые вижу, чтобы так играли. А кто эти люди, что их сюда привело? Кстати, вы-то сами кто? И последний вопрос: за каким чертом меня сюда принесло? Я тут ни пришей, ни пристегни.

– Пожалуй, – согласился старик. – Но со временем возможны перемены.

– Со временем? – переспросил парень. – Если я здесь лишний, какие могут быть перемены?

Шагая вперед, старик смотрел перед собой и больше не косился на своего молодого спутника.

– Зелен ты еще, – проговорил он. – Сколько тебе?

– Тридцатник, – ответил парень.

– Мальчишка совсем. Погоди, разменяешь десяток шестой-седьмой, тогда, может статься, и ты созреешь для партии в ночной гольф.

– У вас это так называется – «ночной гольф»?

– Именно так, – подтвердил старик. – Бывает, игроки тут появляются совсем поздно, часов в семь, а то и в восемь: просто возникает потребность сделать удар, пройтись, еще раз ударить – и так, пока сил хватит.

– А как вы узнаете, что созрели для ночного гольфа?

– Видишь ли, – пустился в объяснения старик, неторопливо шагая вперед, – мы, все как один, вдовцы. Нет, конечно, не в прямом смысле. Есть такое выражение: «вдова гольфиста» – так называют женщину, которая сидит дома, пока ее муж все воскресные дни, с утра до вечера, пропадает в гольф-клубе, а порой еще и субботу прихватывает, и среди недели норовит урвать вечерок: это дело так затягивает, что удержаться невозможно. Человек превращается в гольф-робота, а жена не может взять в толк, куда подевался ее муж. Ну а в нашем случае речь идет о вдовцах: жены сидят по домам, но дома эти холодны, никто не разжигает камин, обед готовится через пень-колоду, половина кровати пуста. Вдовцы.

Молодой человек переспросил:

– Вдовцы? Ничего не понимаю. Разве кто-то умер?

– Никто, – ответил старик. – Когда про женщину говорят «вдова гольфиста», это означает, что она сидит дома, пока муж играет в гольф. А я тебе толкую о

«вдовцах-гольфистах», то бишь о тех, кто сбегает из дому, чтобы побыть вдовцами.

Немного поразмыслив, парень уточнил:

– Но ведь дома их кто-то ждет? В каждом доме есть женщина, верно?

– А как же, – подтвердил старик. – В каждом доме. В каждом доме. Да вот только…

– Что «только»? – поторопил молодой.

– Ты посмотри на это с другой точки зрения, – на ходу продолжал старик, вглядываясь в поле ночного гольфа. – Есть же какая-то причина, которая в сумерках гонит нас сюда, на фервей. Может, дома не с кем словом перемолвиться, а может, слова сыплются градом. Постельные разговоры затягиваются до бесконечности – а может, пресекаются на корню. В доме целый выводок детей, или всего один ребенок, или вовсе пусто. Повод всегда найдется. У кого денег куры не клюют, у кого хоть шаром покати. Как бы там ни было, этим одиночкам, которых ты здесь видишь, вдруг пришло в голову, что есть неплохое место, куда можно податься на закате дня, и место это – поле для гольфа: играй себе, сколько душе угодно, бей по мячу и отправляйся его искать, пока совсем не стемнело.

– Все ясно, – сказал парень.

– Так уж и все.

– Будьте уверены, – подтвердил парень. – Я вас понял. Прекрасно понял. Только не думаю, что меня самого когда-нибудь еще потянет сюда на закате дня.

Покосившись на него, старик кивнул:

– Похоже, ты прав. Если такое и случится, то не скоро. Годков этак через двадцать-тридцать. Слишком у тебя ровный загар, слишком пружинистая походка, и сам ты сейчас на коне – сразу видно. Приезжай-ка ты сюда в полдень, сыграешь настоящий форсом. А ночной гольф подождет.

– В потемках ноги моей здесь больше не будет, – сказал парень. – Это все не про меня.

– Будем надеяться, – ответил старик.

– Вот увидите, – сказал молодой. – Ладно, с меня хватит, дальше не пойду. Похоже, зафигачил мяч в самую темноту – рыскать тут без толку.

– И то верно, – заметил старик.

И они повернули обратно сквозь туманную мглу, неслышно ступая по траве.

Позади все так же двигались в разных направлениях одинокие игроки.

Возле здания гольф-клуба молодой человек посмотрел на старого, который казался совсем древним, а старый посмотрел на молодого, показавшегося совсем юным.

– И все же, на тот случай, если вернешься, – заговорил старик, – то есть если вернешься в сумерках, если надумаешь сыграть партию, которую начнешь с тремя другими игроками, а закончишь в одиночку, должен тебя кое о чем предупредить.

– О чем, интересно?

– Есть выражение, которое ни под каким видом нельзя произносить в разговорах с теми, кто бродит по вечерней траве.

– И какое это выражение?

– Семейная жизнь, – прошептал старик.

На прощание он пожал парню руку, повесил на плечо свою сумку с клюшками и ушел.

Вдали, над полем для ночного гольфа, сгустилась непроглядная тьма, и припозднившихся игроков было уже не видно.

Загорелый, ясноглазый парень развернулся, дошел до стоянки, сел в машину и нажал на газ.

Убийство

– Есть такие люди, которые в принципе не способны пойти на убийство, – заявил мистер Бентли.

– Например? – спросил мистер Хилл.

– Например, я сам, а также множество мне подобных.

– Чепуха!

– Чепуха?

– Вы не расслышали? Любой человек способен на убийство. В том числе и вы.

– Да зачем мне это? Меня все устраивает: прекрасная жена, хорошая работа, безбедная жизнь – с какой стати мне кого-то убивать? – возразил мистер Бентли.

– А я смог бы вас толкнуть на убийство.

– Напрасно вы так думаете.

– Запросто.

Мистер Хилл задумчиво обвел глазами квартал небольшого городка, утопающего в зелени.

– Если у человека нет таких наклонностей, никто не сделает из него убийцу.

– А я сделаю.

– Не может быть!

– Сколько вы готовы поставить?

– Никогда в жизни не спорил на деньги. Не имею такой привычки.

– Черт возьми, есть же такая вещь, как джентльменское пари, – сказал мистер Хилл. – Ставка – один доллар. От доллара до десяти центов. Слушайте, неужели трудно поставить гривенник, а? Да будь вы хоть трижды шотландцем, да еще сомневающимся в своей теории. Разве вам жалко десяти центов, чтобы доказать свою неспособность к убийству?

– Странно вы шутите.

– Мы с вами оба шутим – и оба не шутим. А доказать я хочу лишь то, что вы ничем не отличаетесь от прочих. У вас есть встроенная кнопка. Если я сумею отыскать ее и нажать – вы пойдете на убийство.

Мистер Бентли непринужденно рассмеялся, обрезал кончик сигары, пожевал ее безмятежными пухлыми губами и откинулся назад в кресле-качалке. Пошарив в расстегнутом кармане жилета, он выудил десятицентовик и положил на стойку перил.

– Так и быть, – сказал он и, поразмыслив, вытащил еще одну монету. – Ставлю двадцать центов за то, что я не убийца. И как же вы собираетесь доказать обратное? – Он хмыкнул и удовлетворенно прикрыл глаза. – Сколько лет прикажете ждать у моря погоды?

– А мы с вами установим срок.

– Неужели? – Бентли хохотнул.

– Разумеется. В течение одного месяца, считая от сегодняшнего дня, вы пойдете на убийство.

– В течение месяца, говорите? Ну-ну! – И он рассмеялся: такое предсказание не лезло ни в какие ворота.

Успокоившись, он оттопырил языком щеку.

– Сегодня у нас первое августа, верно? Стало быть, первого сентября заплатите мне доллар.

– Нет, это вы заплатите мне двадцать центов.

– А вы упрямы, как я погляжу.

– Вы меня еще не знаете.

Стоял ясный вечер на исходе лета: дул прохладный ветерок, комары не докучали, две сигары горели ровно, а поодаль, в кухне, звякала посуда, которую жена мистера Бентли опускала в мыльную пену. Горожане выходили на открытые веранды подышать свежим воздухом и приветливо кивали друг другу.

– Никогда в жизни не ввязывался в такой дурацкий разговор, – заметил мистер Бентли, с удовольствием втягивая ноздрями воздух, напоенный запахом свежескошенной травы. – Десять минут обсуждали криминальные наклонности, поспорили, каждый ли способен пойти на убийство, – и не успели оглянуться, как заключили пари.

– Именно так, – подтвердил мистер Хилл.

Мистер Бентли в упор посмотрел на своего квартиранта. Мистеру Хиллу было лет сорок пять, хотя его немного старили бесстрастные голубые глаза и землистое лицо, изрезанное морщинами, как вяленый абрикос. Лысая голова делала его похожим на римского патриция, голос звучал напряженно, и во всем его облике сквозила какая-то цепкость: он впивался пальцами в подлокотники кресла, норовил схватить собеседника за локоть, истово сжимал руки, будто молился, и вечно доказывал себе и другим правоту своих речей. С тех пор как он

занял комнату в конце коридора – а было это три месяца назад, – они с хозяином постоянно беседовали о том о сем. Их занимали самые разнообразные темы: весенние нашествия саранчи, апрельские снегопады, сезонные бури и похолодания, дальние страны – да мало ли о чем заходит речь за доброй сигарой, дающей умиротворение не хуже сытного обеда; мало-помалу мистеру Бентли стало казаться, будто он знает этого приезжего всю жизнь, с горластого детства и колючей юности до седых волос. И впрямь, до этого времени у них не возникало никаких разногласий. Их дружеские отношения скрепляло то, что говорили они без обиняков и отступлений, двигаясь прямой дорогой Истины, а может, это только казалось – вернее, подумал сейчас мистер Бентли, держа в руках сигару, это ему самому так казалось, а мистер Хилл не то из вежливости, не то из тайного умысла прикидывался, что понимает истину точно так же.

– Самый легкий заработок за всю мою жизнь, – сказал мистер Бентли.

– Это мы еще посмотрим. Вы монетки-то держите при себе. Они вам скоро понадобятся.

Мистер Бентли словно в полусне вернул десятицентовики в карман жилета. Не иначе как перемена ветра вдруг повлияла на температуру его мыслей. В какой-то миг внутренний голос спросил: «Ну как, способен ты пойти на убийство? Или слабо?»

– Скрепим наш уговор, – сказал мистер Хилл.

Его рукопожатие было холодным и цепким.

– Не возражаю.

– Ладно, жирный червяк, приятных снов, – бросил мистер Хилл, поднимаясь с кресла.

– Что? – вскричал мистер Бентли, пораженный не столько грубостью, сколько внезапностью этих немыслимых слов.

– Спи спокойно, червяк, – повторил мистер Хилл без тени смущения.

Его пальцы забегали по пуговицам летней рубашки. Глазам мистера Бентли открылся впалый живот. На нем виднелся застарелый шрам. Похоже, это было пулевое ранение.

– Ясно тебе? – сказал мистер Хилл, глядя в вытаращенные глаза тучного человека, приросшего к креслу. – Мне такое пари не в диковинку.

Входная дверь тихо затворилась. Мистер Хилл скрылся в доме.

Когда на часах было десять минут первого, у него в комнате все еще горел свет. Мистер Бентли долго маялся в темноте без сна, но в конце концов на цыпочках выбрался в коридор – и уперся глазами в мистера Хилла. Тот не удосужился прикрыть дверь своей комнаты и теперь стоял перед зеркалом, похлопывая, оглаживая и пощипывая свое туловище то в одном месте, то в другом.

А про себя, не иначе, говорил: «Полюбуйся! Смотри сюда, Бентли, и вот сюда!»

И Бентли смотрел.

Грудь и живот Хилла были обезображены тремя круглыми шрамами. В области сердца тянулся длинный шов, а на шее – короткий рубец. Спину испещрили устрашающие борозды, как будто дракон рвал ему кожу своими когтистыми лапами.

Мистер Бентли даже прикусил язык и растопырил руки.

– Входи, не стесняйся, – сказал мистер Хилл.

Бентли не шелохнулся.

– Спать пора.

– А я вот любуюсь. Тщеславие, тщеславие.

– Столько шрамов, одни шрамы.

– Да, есть маленько, это правда.

– Живого места нет. Боже мой, впервые такое вижу. Откуда они?

Раздетый до пояса, Хилл продолжал разглядывать, ощупывать и ласкать свой торс.

– Неужели даже теперь не допер?

– Говори толком!

– Пораскинь мозгами, старик.

Он сделал вдох и выдох, опять вдох и выдох.

– Чем могу служить, мистер Бентли?

– Я пришел, чтобы…

– Не мямли.

– Комнату придется освободить.

– С чего это?

– К нам приезжает мать моей жены.

– Вранье.

Бентли закивал.

– Допустим. Вранье.

– Почему прямо не сказать? Решил от меня избавиться – и точка.

– Вот именно.

– Потому что ты меня боишься.

– Нет, вовсе я не боюсь.

– А если я скажу, что не собираюсь отсюда съезжать?

– Ты этого не скажешь.

– Почему это? Считай, я уже сказал.

– Нет-нет.

– Что у нас будет на завтрак – неужели опять яичница с беконом? – Он склонил голову набок, изучая короткий шрам.

– Прошу тебя, пообещай, что уедешь, – взмолился мистер Бентли.

– Нет, – отрезал мистер Хилл.

– Пожалуйста.

– Напрасно пресмыкаешься. Не делай из себя идиота.

– Что ж, если ты намерен остаться, давай отменим пари.

– Это как?

– Да вот так.

– Боишься самого себя?

– Нет. Ничего я не боюсь!

– Шшш. – Хилл указал на стену. – Женушку не разбуди.

– Давай отменим. Держи. Вот моя ставка. Ты выиграл!

Как безумный, мистер Бентли рылся в кармане, пока не извлек две монеты. Он с досадой швырнул их на комод.

Но мистер Хилл по-прежнему оглаживал свой живот.

– Забирай! Ты выиграл! Да, я готов пойти на убийство, готов, признаю.

Немного выждав, мистер Хилл не глядя опустил руку на комод, ощупью нашел монеты и позвенел ими в ладони, а потом протянул хозяину:

– Забери.

Бентли отступил к порогу.

– Я не возьму!

– Забери.

– Ты же выиграл!

– Спор есть спор. Он таким способом не решается.

Хилл шагнул к Бентли, бросил монеты ему в карман и похлопал сверху. Бентли попятился в коридор.

– Я пари заключаю не просто так, – сказал Хилл.

Бентли не мог отвести взгляд от жутких шрамов.

– Сколько же человек ты втянул в этот спор? – вскричал он. – Сколько?

– Увидимся за завтраком, – бросил мистер Хилл.

И захлопнул дверь. Мистер Бентли остался стоять за порогом. Даже сквозь закрытую дверь он видел эти шрамы, как будто его зрение и мозг обрели дар ясновидения. Шрамы от бритвы. От лезвия ножа. Они проглядывали сквозь дверное полотно, как глазки на старых досках.

В комнате погасили свет.

Окаменев над телом, он слышал, как проснулся дом, как по лестнице застучали шаги, как разнеслись крики, полустоны и шорохи. Вот-вот сюда нагрянут люди. Завоют сирены, завертятся красные мигалки, захлопают дверцами машины, у него на толстых запястьях щелкнут наручники, начнутся допросы, и его бледное, недоуменное лицо будут обшаривать чужие взгляды. Но пока он стоял над телом и водил по нему ладонями. Пистолет упал в высокую, душистую ночную траву. Воздух был все еще заряжен электричеством, но гроза уходила, и к нему вернулась способность видеть происходящее. Его правая рука сама по себе суетилась, как слепой крот, и долго попусту рылась в кармане, пока наконец не нашла то, что искала. И тогда он почувствовал, как его нешуточная масса потянулась к земле, осела и едва не рухнула на недвижное тело. А слепая рука потянулась, чтобы закрыть вытаращенные глаза мистера Хилла, и на каждое остывающее, сморщенное веко положила новенькую блестящую монетку.

Позади хлопнула дверь. Вскрикнула Хетти.

Он обернулся к ней с тоскливой улыбкой.

– Вот, проиграл пари, – услышал он свой голос.

Подломится ветка[1 - Подломится ветка — фраза из детского стишка о колыбельке, висящей на дереве: «Подломится ветка – и выпадет детка».]

Ночью было холодно, а часа в два поднялся легкий ветер.

На деревьях задрожала листва.

К трем часам ночи ветер набрал силу и стал роптать под окном.

Она первой открыла глаза.

Тогда и он по непонятной причине заворочался в полусне.

– Не спишь? – спросил он.

– Нет, – ответила она. – Звуки какие-то послышались – крик, что ли.

Он поднял голову.

Издали долетал тихий плач.

– Слышишь? – забеспокоилась она.

– Ты о чем?

– Что-то вроде как плачет.

– Что-то? – переспросил он.

– Ну, кто-то, – сказала она. – Призрак, не иначе.

– Не выдумывай. Который час?

– Три ночи. Самое жуткое время.

– Почему жуткое? – спросил он.

– Помнишь, доктор Мид в больнице нам с тобой рассказывал, что в этот час люди сдаются, прекращают борьбу. На это время суток приходится больше всего смертельных случаев. Три часа ночи.

– Неохота об этом думать, – сказал он.

Отдаленные крики сделались громче.

– Вот опять, – сказала она. – Говорю же, призрак.

– О господи, – пробормотал он. – Какой еще призрак?

– Младенческий, – сказала она. – Ребенок плачет.

– С каких это пор у младенцев появились призраки? Разве по округе прошел слух о смерти младенцев? – Он приглушенно хмыкнул.

– Нет. – Она покачала головой. – Может, это никакой не призрак умершего младенца, а… сама не знаю. Тихо!

Его слух уловил те же отдаленные звуки.

– А вдруг… – начала она.

– Ну?

– Вдруг это призрак такого малыша…

– Говори.

– Который еще не родился.

– Разве бывают такие призраки? И в голос кричат? Фу ты, надо же такое придумать. Бред какой-то.

– Призрак нерожденного малыша.

– Да откуда у него голос возьмется? – спросил он.

– Возможно, дитя не умерло, а просто очень хочет жить, – сказала она. – Вот и плачет где-то далеко, да еще так жалобно.

Прислушались: далекий плач не прекращался, а прямо под окном ему вторил ветер.

От этих звуков у нее навернулись слезы; от этих звуков и с ним произошло то же самое.

– Сил моих больше нет, – сказал он. – Пойду-ка я перекушу.

– Нет-нет, – запротестовала она, удерживая его в постели. – Не шуми, прислушайся. Надо разобраться, в чем тут дело.

Он снова лег, взял ее за руку и попытался смежить веки, но из этого ничего не вышло.

Так они и лежали рядом, а ветер все роптал, будоража листву.

Где-то в стороне, очень далеко, слышался протяжный плач.

– Кто же это? – не выдержала она. – Или «что»? Не умолкает. От этого на душе так печально. Может, он просит, чтобы его впустили?

– Куда?

– В жизнь. Он не умер и еще не жил, но отчаянно хочет жить. Как ты думаешь… – Она запнулась.

– Ну, говори.

– Боже мой, – вырвалось у нее. – Помнишь, у нас с тобой в прошлом месяце был разговор?..

– На какую тему? – не понял он.

– На тему нашего будущего. На тему свободы от обязательств. Что семья нам не нужна. И дети тоже.

– Нет, не помню, – сказал он.

– А ты напряги память, – сказала она. – Мы тогда пообещали друг другу не создавать семью и не заводить детей. – Помедлив, она добавила: – Чтобы никаких младенцев.

– Не заводить детей. Чтобы никаких младенцев?

– Как по-твоему… – Оторвав голову от подушки, она прислушалась к далекому жалобному крику, приглушенному деревьями и окрестностями. – Может быть…

– Что?

– Вроде бы я знаю, как это остановить.

Он выжидал.

– Мне кажется, надо…

– Ну, ну? – поторопил он.

– Надо тебе подвинуться на мою половину.

– Приглашаешь к себе?

– Да, приглашаю, иди сюда.

Повернув голову, он несколько мгновений смотрел в ее сторону и наконец перекатился на ее край постели. Городские часы пробили четверть, половину четвертого, потом три сорок пять и четыре часа утра.

Только тогда они опять стали прислушиваться.

– Ты что-нибудь слышишь? – спросила она.

– Пытаюсь.

– А плач?

– Умолк, – сказал он.

– И в самом деле. Этот призрак, ребенок, малыш – слава богу, больше не плачет.

Он сжал ее руку, повернул голову в ее сторону и сказал:

– Это мы с тобой сделали.

– Да, это мы, – сказала она. – Да, слава богу, мы его утихомирили.

Ночь выдалась на редкость тихой. Даже ветер мало-помалу замер. Листву на деревьях больше не бросало в дрожь.

А они лежали в темноте, держась за руки, слушали тишину – эту дивную тишину – и ждали рассвета.

У нас всегда будет Париж

Как-то в Париже, душной июльской ночью с субботы на воскресенье, около двенадцати, я собрался пройтись своим любимым маршрутом, который неизменно начинался от собора Парижской Богоматери, а заканчивался подчас у самой Эйфелевой башни.

Жена в тот вечер легла рано, часов в девять, но словно почувствовала, когда я был в дверях, и сказала:

– Можешь не спешить, но купи мне пиццу.

– Заказ принят: одна пицца, – сказал я и вышел в коридор.

Из отеля мой путь лежал на другой берег Сены, к собору Парижской Богоматери; я заглянул в Шекспировскую книжную лавку и повернул обратно по бульвару Сен-Мишель в сторону уличного кафе «Два маго», где Хемингуэй – поколение с лишним тому назад – угощал своих друзей граппой, перно и Африкой.

Наблюдая за толпами парижан, я немного посидел в кафе, заказал перно, потом пиво и двинулся в сторону набережной.

Улица, идущая от «Двух маго», больше напоминала узкий проезд между рядами антикварных магазинов и художественных салонов.

Здесь я оказался практически в одиночестве, и вдруг вблизи Сены произошло нечто из ряда вон выходящее – пожалуй, никогда в жизни со мной ничего подобного не бывало.

Я понял, что за мной следят. Но слежка велась довольно странно.

Оглянувшись, я не увидел ни одной живой души. Посмотрел вперед – и метрах в сорока заметил молодого человека в летнем костюме.

Вначале мне и в голову не пришло, что это не случайно. Но, задержавшись у одной из витрин, я поднял взгляд – и обнаружил, что он, теперь метров с тридцати, наблюдает за мной через плечо.

Стоило нам встретиться глазами, как он зашагал дальше, но через некоторое время, замедлив шаги, оглянулся.

Когда мы обменялись молчаливыми взглядами еще несколько раз, у меня уже не осталось никаких сомнений. Вместо того чтобы следовать за мной по пятам, незнакомец шел впереди и оглядывался, не теряя меня из виду.

Так мы прошли целый квартал и в конце концов на перекрестке поравнялись.

Это был рослый, стройный блондин, достаточно привлекательный, по всем признакам – француз; спортивная фигура выдавала в нем не то пловца, не то

теннисиста.

Я даже не сумел разобраться в своих ощущениях. Приятно, лестно, неловко?

Столкнувшись с ним лицом к лицу, я помедлил и обратился к нему по-английски, но он лишь покачал головой.

И тут же заговорил со мной на французском; теперь уже я покачал головой, и мы оба посмеялись.

– Французский – нет? – уточнил незнакомец.

Я стал мотать головой.

– Английский – нет? – спросил я, и он снова качнул головой, и мы оба расхохотались, потому что стояли одни среди ночи на парижском перекрестке, не могли обменяться даже парой слов и плохо понимали, что нас туда привело.

Наконец он указал рукой в сторону бокового переулка.

При этом он произнес какое-то слово – мне послышалось имя Джим. В растерянности я покачал головой.

Незнакомец повторил, а вслед за тем пояснил:

– Жимназиум, спортзал, – сказал он, еще раз махнул рукой в ту же сторону, сошел с тротуара и оглянулся, чтобы меня не потерять.

Я стоял в нерешительности, пока он переходил через дорогу. На другой стороне он вновь обернулся в мою сторону.

Ступив на мостовую, я направился к нему, спрашивая себя, зачем искать приключений на свою голову. И молча повторил: «Какого дьявола меня туда несет?» Париж, глубокая ночь, духота, случайный прохожий меня поманил – и куда? Какой, к черту, спортзал? А вдруг я оттуда не вернусь? Нет, в самом деле, что за безумие – в чужом городе увязаться за чужим человеком?

Это меня не остановило.

Мы поравнялись в середине следующего квартала, где он меня поджидал.

Кивнув в сторону ближайшего здания, он повторил слово «жимназиум».

Увидев, что он спускается по ступенькам в подвал, я поспешил за ним. А он достал свой ключ и кивнул, приглашая меня в темноту.

Действительно, это был небольшой спортивный зал, оснащенный стандартным инвентарем: тренажеры, гимнастический конь, маты.

Любопытно, подумал я и шагнул вперед; мой провожатый запер за нами дверь.

Сверху доносились приглушенные звуки музыки и чьи-то голоса; не успел я и глазом моргнуть, как почувствовал, что на мне расстегивают рубашку.

Я стоял в темноте; меня прошибла испарина, по лицу стекали ручейки пота. Слышно было, как незнакомец, не двигаясь с места и не произнося ни слова, снимает с себя одежду – и это происходило в Париже, глухой ночью.

У меня в голове опять мелькнуло: «Какого черта?»

Парень шагнул вперед и почти коснулся меня, но в этот миг где-то рядом открыли дверь, кто-то разразился смехом, поблизости отворилась и захлопнулась еще одна дверь, сверху послышался топот, хор голосов.

От неожиданности я вздрогнул; меня затрясло.

Должно быть, незнакомец это почувствовал: вытянув руки, он положил их мне на плечи.

Казалось, нас охватила одинаковая растерянность, и той глухой парижской ночью мы приросли к месту, глядя друг на друга, словно незадачливые актеры, забывшие свой текст.

Сверху долетали раскаты смеха и звуки музыки; похоже, там откупоривали шампанское.

В полумраке я заметил, как с его носа сорвалась капля пота.

Сам я, до кончиков пальцев, тоже был весь в поту.

Так мы и стояли без движения, пока он на французский манер не повел плечами; я тоже пожал плечами ему в ответ, и мы опять негромко посмеялись.

Он подался вперед, взял меня за подбородок и молча поцеловал в лоб. Потом, отступив на шаг, потянулся куда-то в темноте и накинул мне на плечи рубашку.

– Bonne chance, – прошептал он; а может, мне это только послышалось.

На цыпочках мы двинулись к выходу. Незнакомец приложил палец к губам, сказал «тсс» и выбрался вместе со мной на улицу.

А дальше мы шли бок о бок по узкому проезду, который тянулся от кафе «Два маго» в сторону набережной Сены, Лувра и моего отеля.

– Надо же, – выдохнул я. – Провели вместе полчаса – и даже не познакомились.

Он бросил на меня непонимающий взгляд, и что-то подсказало мне ткнуть его пальцем в грудь.

– Ты Джейн, я Тарзан, – сказал я.

Услышав это, незнакомец разразился смехом и стал вторить мне:

– Я Джейн, ты Тарзан.

Мы захохотали, впервые за все это время стряхнув напряжение.

Он приблизился, как в прошлый раз, молча поцеловал меня в лоб, а потом развернулся и зашагал в другую сторону.

Когда нас разделяло метра три-четыре, он выговорил на неуверенном английском, не глядя в мою сторону:

– Как жаль.

Я ответил:

– Да, очень жаль.

– В другой раз? – спросил он.

– В другой раз, – отозвался я.

И он скрылся из виду; больше некому было вести меня за собой.

Я вышел на набережную Сены и, минуя Лувр, вскоре добрался до отеля.

Было два часа ночи, но духота не отступала; уже в дверях нашего люкса я услышал шорох простыней и голос жены:

– Забыла спросить: ты билеты купил?

– Конечно, – ответил я. – Летим во вторник на «конкорде», дневным рейсом до Нью-Йорка.

Жена явно успокоилась, а потом со вздохом сказала:

– Господи, как я люблю Париж. Давай на будущий год сюда вернемся.

– «У нас всегда будет Париж»[2 - «У нас всегда будет Париж» – фраза из фильма «Касабланка».], – подтвердил я.

Раздевшись, я присел на краешек кровати. Жена, лежа на своей половине, спросила:

– А пиццу принес?

– Пиццу? – рассеянно переспросил я.

– Как ты мог забыть? – расстроилась жена.

– Сам удивляюсь.

Я почувствовал легкое жжение над бровями и коснулся рукой середины лба, куда меня поцеловал на прощанье незнакомый парень, устроивший за мной слежку, чтобы указывать путь.

– Сам удивляюсь, – повторил я, – как меня угораздило. Черт его знает.

У нас в гостях маменька Перкинс

Джо Тиллер вошел к себе в квартиру и, снимая шляпу, поймал на себе взгляд дородной женщины средних лет, лущившей горох.

– Входи, – сказала она изумленному Джо. – Энни пошла готовить ужин. Да ты присаживайся.

– Но кто… – начал он, взглянув на нее.

– Я – маменька Перкинс, – засмеялась она, раскачиваясь.

Хотя она сидела на обычном стуле, а не в кресле-качалке, ей все же удавалось на нем раскачиваться. У Тиллера закружилась голова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25094859&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Подломится ветка — фраза из детского стишка о колыбельке, висящей на дереве: «Подломится ветка – и выпадет детка».

2

«У нас всегда будет Париж» – фраза из фильма «Касабланка».

Купить: https://tellnovel.com/ru/rey-bredberi/u-nas-vsegda-budet-parizh-sbornik-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить